

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

И.А. Патронников

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ *ISAGOGÉ* ПОРФИРИЯ ВВЕДЕНИЕМ К «КАТЕГОРИЯМ» АРИСТОТЕЛЯ?

Патронников Илья Андреевич – аспирант. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: patrilya@gmail.com

Статья посвящена известной работе Порфирия – знаменитому «Введению», *Isagoge*, с которой со Средневековья знакомились студенты, приступающие к изучению философии. Элементарная работа, посвященная базовым терминам аристотелевской логики (к ним относятся пять терминов: **genus, differentia, species, proprium и accidens** – благодаря чему трактат был также известен под заголовком *Quinque voces*, собственно «Пять терминов»). Проблема, которой посвящена статья, касается замысла трактата: Порфирий не уточняет, введением во что является его работа. Ряд античных авторов (например, Бозций, написавший к ней два комментария), видя здесь явную недосказанность, предполагали, что *Isagoge* было задумано как введение в «Категории» Аристотеля. Эта точка зрения стала чрезвычайно популярной, что, однако, не делает ее самоочевидной. Действительно, если вынести за скобки авторитет Бозция и некоторых других комментаторов и обратиться к самому тексту, связь *Isagoge* и «Категорий» окажется под вопросом. В настоящей статье демонстрируется, что содержательно эти две работы далеки друг от друга: категории Аристотеля – это, если пользоваться средневековой терминологией, *praedicamenta*, т. е. предикаты, в то время как пять терминов Порфирия – это *praedicabilia*, **предикабилии**. Иными словами, оба трактата посвящены объектам разного логического статуса, следовательно, *Isagoge* не содержит в себе ничего, что делало бы его введением в «Категории». Одной из правдоподобных альтернатив является гипотеза, согласно которой *Isagoge*, вместо того чтобы быть введением к какому-либо трактату, является введением в логику в целом.

Ключевые слова: Порфирий, Аристотель, *Isagoge*, *Топика*, категория, предикат, предикабилия, античная логика

Название работы Порфирия, о которой пойдет речь в настоящей статье, звучит как «Введение» (*Isagoge*); этот жанр, включающий в себя элементарные работы, вводящие в ту или иную проблематику, был достаточно распространен в Античности¹. Не вызывает сомнения, что *Isagoge* Порфирия принадлежит к их числу, что видно из слов самого автора, который обещает воздерживаться «от более глубоких изысканий», излагая «в кратких словах, как бы в качестве введения»², аристотелевское учение о категориях. Обыкновенно работы этого типа³ имеют целью уточнить предметную область, введением в которую служит соответствующий трактат. Проблема заключается в том, что, в отличие от них, заголовок Порфирия не содержит подобного уточнения, и остается только догадываться, введением во что является его сочинение.

Многие авторы (в их числе такие авторитетные философы, как Боэций⁴ и Аммоний⁵) придерживаются той точки зрения, что работа Порфирия является введением в «Категории» Аристотеля. В русском издании *Isagoge* так и называется – «Введение к “Категориям” Аристотеля»⁶; во введении к современному французскому переводу утверждается, что «*Isagoge* является не чем иным, как введением в “Категории”»⁷. Тем не менее совсем не очевидно, что дело обстоит именно так. Некоторая связь между *Isagoge* и «Категориями», безусловно, имеется, но достаточно ли ее, чтобы продемонстрировать, что *Isagoge* было задумано как введение в аристотелевские «Категории»?

Настоящая статья содержит развернутый ответ на этот вопрос; если отвечать на него кратко, то ответ отрицательный: *Isagoge* не является введением в «Категории».

Однако прежде чем приступить к аргументации в пользу этого тезиса, кратко остановимся на доводах тех, кто склонен давать положительный ответ на этот вопрос.

В самом начале Порфирий утверждает, что его трактат будет необходим $\epsilon\acute{\iota}\varsigma\ \tau\eta\nu\ \tau\omega\nu\ \pi\alpha\rho\grave{\alpha}\ \text{А}\rho\iota\sigma\tau\omicron\tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\ \kappa\alpha\tau\eta\gamma\omicron\rho\iota\omega\nu\ \delta\iota\delta\alpha\sigma\kappa\alpha\lambda\acute{\iota}\alpha\nu$ ⁸. Возможны два варианта примерного перевода этой фразы: «для изучения аристотелевских категорий» и «для изучения аристотелевских “Категорий”»⁹. Барнс справедливо замечает¹⁰, что оба варианта дают примерно одинаковый смысл, поскольку изучение аристотелевских категорий предполагает ознакомление с его одноименной работой.

¹ У самого Порфирия есть еще две работы этого жанра: «Введение в астрономию» и «Введение в астрологию Птолемея»; Диоген Лаэртский упоминает две работы Хрисиппа: «Введение к двусмысленностям» и «Введение к рассуждению о лжеце»; этот список можно продолжить.

² Здесь и далее «Введение» цитируется по изданию: Porphyrii *Isagoge et in Aristotelis categorias commentarium* / Ed. A. Busse. B., 1887 (*Commentaria in Aristotelem Graeca* IV, 1), перевод всех цитированных фрагментов выполнен автором статьи.

³ См. уже упомянутые работы Порфирия и Хрисиппа или трактат Никомаха «Арифметическое введение».

⁴ Anicii Manlii Severini Boethii in *Isagogen Porphyrii commenta*. Vienna, 1906. P. 4. 12–14.

⁵ *Ammonius*. In Porphyrii *Isagogen sive V Voces*. B., 1891. P. 20. 15–21; 22. 23–24.

⁶ Порфирий. Введение к «Категориям» Аристотеля // *Аристотель*. Категории. М., 1939. С. 53–83.

⁷ *Porphyre*. *Isagoge* / Éd. par A. de Libera, A.-P. Segonds. P., 1998. P. XIII.

⁸ Porphyrii *Isagoge et in Aristotelis categorias commentarium*. P. 60.

⁹ Среди переводчиков есть сторонники обоих вариантов. Боэций переводит эту фразу следующим образом: *ad eam quae est apud Aristotelem praedicamentorum doctrinam*, что делает его сторонником первого варианта; к числу сторонников первого варианта относятся также Барнс и Кубицкий. См. *Porphyry*. Introduction / Trans., with a Comment., by J. Barnes. Oxf., 2003. P. 25. Второй вариант перевода можно найти у Спэйда: *Spade P.V. Five Texts on the Medieval Problem of Universals: Porphyry, Boethius, Abelard, Duns Scotus, Ockham*. Indianapolis (IN), 1994.

¹⁰ *Porphyry*. Introduction / Trans., with a Comment., by J. Barnes. P. 26.

Далее, Порфирий только усиливает подозрения читателя, что *Isagoge* будет тесно связано с «Категориями», когда замечает, что он «попытается показать, как с логической точки зрения (λογικώτερον) древние (παλαιοί), в особенности перипатетики, рассматривали эти предметы [роды и виды]»¹¹. Указание на логический характер сочинения (λογικώτερον), а также упоминание перипатетиков подталкивают к нужному выводу: *Isagoge* является введением к «Категориям», трактату, открывающему корпус логических сочинений Аристотеля «Органон».

Дополнительным аргументом может служить история создания *Isagoge*. Из комментария Аммония, посвященного порфириевскому «Введению», мы знаем, что оно было написано на Сицилии, то есть после 268 г.¹²; поскольку продолжительность пребывания там Порфирия неизвестна. Можно задаться вопросом, почему «Введение» было написано именно в этот период его жизни, который был ознаменован отъездом из Рима и отдалением (физическим и, возможно, интеллектуальным) от своего учителя, Плотина. Саффер¹³ связывает его отъезд с жесткой критикой, которой Плотин подверг аристотелевскую теорию категорий в трех своих трактатах «О родах сущего» (Περὶ τῶν γενῶν τοῦ ὄντος), написанных примерно в это время¹⁴. Порфирий был не согласен с этой критикой, следствием чего становится его отъезд; «Введение», согласно этой гипотезе, является порфириевским ответом на критику и, таким образом, апологией «Категорий».

Последний аргумент представляется довольно шатким: «Жизнь Плотина» содержит другую версию событий, согласно которой Порфирий отправляется в Сицилию по совету Плотина, чтобы излечиться от своей «меланхолической болезни»¹⁵, чуть не приведшей его к самоубийству, и нет серьезных оснований ставить эту версию под сомнение.

Важность «Введения» для «Категорий» трудно отрицать, но это не является решающим аргументом. Действительно, для понимания того, что собой представляют аристотелевские категории, являющиеся наиболее общими родами, необходимо, по крайней мере, понимать, что такое род и составляющие его виды, а *Isagoge* посвящено уточнению в том числе и этих понятий. Однако на это можно возразить, что понятия рода и вида важны не только для «Категорий», но и, например, для аристотелевской метафизики и силлогистики, что еще не делает *Isagoge* введением в соответствующие работы.

По этой причине более серьезную аргументацию в пользу тесной связи (или ее отсутствия) «Введения» и «Категорий» следует строить на сопоставлении содержания двух трактатов. В средневековой традиции сочинение Порфирия имело заглавие *Quinque voces*, что можно перевести как «Пять терминов (слов)». Такой заголовок очень точно передает содержание работы: она посвящена пяти базовым для средневековой логики (базовыми они стали благодаря Порфирию) терминам: **genus, differentia, species, proprium и accidens**. Проблема, таким образом, состоит в том, чтобы разобраться, как соотносятся между собой десять категорий Аристотеля и пять терминов Порфирия.

¹¹ *Porphury*. Introduction. P. 60.

¹² В пятнадцатый год царствования Галлиена, как сказано в «Жизни Плотина»: *Порфирий*. Жизнь Плотина // *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 464.

¹³ *Saffrey H.D.* Pourquoi Porphyre a-t-il edite Plotin? // *Porphyre*. La vie de Plotin. P., 1992. P. 31–64.

¹⁴ Порфирий в «Жизни Плотина» в хронологическом порядке перечисляет трактаты, которые были написаны Плотинем до его отъезда в Сицилию, и последними (не считая трактата «О вечности и времени») действительно оказываются три трактата «О родах сущего». Впрочем, неизвестно, сколько времени прошло с момента их написания до отъезда.

¹⁵ *Порфирий*. Жизнь Плотина. С. 467.

Quinque voces и категории

«Категории», если оставить в стороне некоторые тонкости, – это трактат о предикции. Латинские авторы переводили название этой работы как *Praedicamenta*, и это вполне соответствует тому значению, которое Аристотель вкладывает в глагол $\kappa\alpha\tau\eta\gamma\omicron\rho\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ и производные от него формы¹⁶. $\tau\omicron\ \text{A}\ \kappa\alpha\tau\eta\gamma\omicron\rho\epsilon\acute{\iota}\tau\alpha\ \kappa\alpha\tau\grave{\alpha}\ \tau\omicron\ \text{B}$ – **техническое выражение аристотелевской силлогистики** (зачастую сокращаемое до $\tau\omicron\ \text{A}\ \tau\omicron\ \text{B}$), которое означает, что термин А предикцируется термину В. Таким образом, термин А – предикат, или категория. Конечно, было бы ошибкой утверждать, что десять категорий Аристотеля – сущность, качество и т. д. – ничем не отличаются от любых других предикатов (человек, белое и прочее). Между ними существует очевидное различие, состоящее в том, что сущность – это наиболее общий предикат, а, например, человек (или быть человеком, или «быть человеком», пунктуация зависит от ответа на вопрос, чем являются предикаты – терминами или вещами) – нет. Однако здесь важнее всего то, что с точки зрения логической структуры высказывания «А есть сущность» и «А есть человек» идентичны, поскольку в них идет речь о предикции некоторого свойства некоторому подлежащему.

Итак, категории – это наиболее общие предикаты, десять категорий – это десять смыслов, в которых нечто предикцируется чему-то. Быть белым, быть четным – примеры одного смысла, или способа, предикцирования; в этом случае мы имеем дело с предикцированием качества, и т. д.

Теперь рассмотрим *quinque voces* из «Введения». К ним относятся: род ($\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$), видовое отличие ($\delta\iota\alpha\phi\omicron\rho\acute{\alpha}$), вид ($\epsilon\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma$), собственное¹⁷ ($\acute{\iota}\delta\iota\omicron\nu$) и приходящее ($\sigma\upsilon\mu\beta\epsilon\eta\kappa\acute{\omicron}\varsigma$). Что же такого особенного в этих пяти терминах, что Порфирий специально вынес их на обсуждение в отдельной работе, которая вдобавок стала обязательной для изучения на многие века вперед? Удивительно, но нигде во «Введении» Порфирий не пытается ответить на этот вопрос. «Введение» начинается с характеристики – где-то излишне подробной, а где-то слишком краткой – каждого из пяти терминов в порядке, в котором они перечислены выше (за тем исключением, что вид предшествует видовому отличию, что, возможно, связано с тем, что род и вид – тесно связанные понятия и одно необходимо для характеристики другого); затем Порфирий, в указанном выше порядке без оговорок, сравнивает каждый из терминов с четырьмя другими, указывая на общие черты и различия. То, что работа носит вводный характер и не претендует на полноту изложения, можно понять из заключительной ремарки: «Есть и другие общие присущие им [пяти терминам] свойства. Но и этого достаточно, чтобы различить эти предметы и выявить, что у них есть общего»¹⁸.

На протяжении всей работы Порфирий ни разу не пытается объяснить, чем являются эти пять терминов, взятые в совокупности, например как они соотносятся с десятью категориями. Порфирий упоминает «Категории» всего один раз, когда обсуждает вопрос существования общего для все видов рода. Существование такого рода, в соответствии с логикой «Категорий», отрицается: бытие, или свойство «быть существующим», предикцируется разным типам объектов в разных смыслах, род же сказывается о подчиненных

¹⁶ Barnes J. *Truth, etc.: Six Lectures on Ancient Logic*. Oxf., 2007. P. 114.

¹⁷ Под «собственным» Порфирий понимает свойство, которым обладают только представители данного вида, и никто, кроме них (сейчас мы бы сказали, что экстенционалы этих терминов совпадают). Например, свойством «уметь смеяться» обладают только люди.

¹⁸ Porphyrii *Isagoge et in Aristotelis categorias commentarium*. P. 60.

ему видах в одном и том же смысле, синонимично, следовательно, бытие не может быть родом. Далее он утверждает, что бытие распадается на «десять наиболее общих типов предметов»¹⁹, которым подчинено конечное количество менее общих; количество единичных вещей, в свою очередь, может быть бесконечным. На этом прямые отсылки к «Категориям» заканчиваются. Но, возможно, в тексте можно найти не прямые?

Ответ на этот вопрос будет зависеть от интерпретации статуса пяти терминов. Может быть, пять терминов – это еще один способ классификации объектов, наряду с имеющимися у Аристотеля десятью категориями? В другой своей работе «О “Категориях” Аристотеля» Порфирий предлагает четырехчастную классификацию, согласно которой все предметы делятся на единичные сущности, единичные акциденции, универсальные сущности и универсальные акциденции²⁰. Любая из десяти категорий включается в одну из четырех перечисленных таксономических единиц: Сократ относится к единичным сущностям; человек – к универсальным сущностям; белизна в Сократе – к единичным акциденциям; белизна – к универсальным акциденциям.

Можно ли предположить, что пять терминов и десять категорий соотносятся похожим образом? Это предположение неверно; такое сопоставление невозможно в первую очередь потому, что категории и пять терминов принадлежат к разным типам логических сущностей, или к разным логическим категориям (во избежание стилистической неуклюжести в дальнейшем будем использовать термин «предикаты» вместо термина «категории», тем более, как мы уже установили, оба принадлежат к одной логической категории).

Надо признать, что понятие логической категории далеко от совершенной прозрачности. Пожалуй, оно не вызывает вопросов в случае формализованных языков, как, например, язык логики предикатов. В нем определенному типу символов соответствует определенный класс языковых выражений: переменным x , y , z соответствуют множества индивидов, символам P , Q , R – n -местные предикаты и т. д. Если правила подстановки языковых выражений на место символов нарушить, на выходе получатся бессмысленные фразы, не являющиеся предложениями данного языка: «Для всякого больше чем некоторый x »; «Неверно, что существует деревянный, такой что y » и прочее. Беря за образец подобные формализованные языки, можно попытаться дать определение логической категории. Логическая категория – это определенный класс языковых выражений, которые, если подставить их в осмысленное предложение на место языковых выражений другого класса, дадут бессмысленное предложение. Это определение, разумеется, нуждается в уточнениях, и первое из них должно касаться понятий осмысленности и бессмысленности. В формализованных языках понятие осмысленности задается индуктивно через перечисление правильных типов предложений (формул) данного языка, все прочие предложения, не входящие ни в один из перечисленных типов, не являются предложениями данного языка, или, проще говоря, являются бессмысленными.

Естественные языки не могут похвастаться такой безошибочностью в распознавании осмысленных и бессмысленных предложений. Критерия грамматической правильности недостаточно (в некоторых случаях можно усомниться, является ли он необходимым: «Подъезжая к остановке, с меня

¹⁹ Porphyrii Isagoge et in Aristotelis categorias commentarium. P. 83.

²⁰ Porphyry. On Aristotle Categories / Trans. by S.K. Strange. L., 1992. P. 53. Порфирий использует термины «единичная сущность», «единичное привходящее», «всеобщая сущность», «всеобщее привходящее». Эта классификация восходит к аристотелевскому различию между нахождением в подлежащем и сказыванием о подлежащем.

слетела шляпа»), чтобы считать предложение осмысленным. «Зеленые идеи яростно спят» – образец грамматически правильного предложения, которое не несет, как кажется, никакого смысла. Попытка сформулировать критерий осмысленности языковых выражений, который работал хотя бы в большей части случаев, – слишком трудоемкая и сложная задача, но в общих чертах идея представляется ясной. В естественном языке существуют разные классы языковых выражений, и при попытке заменить выражение одного класса выражением из другого класса мы получаем бессмысленное предложение. Например, если в предложении «По улице гуляли десять собак» конкретное существительное «собака» заменить абстрактным существительным «знание», получившееся предложение «По улице гуляли десять знаний», как кажется, не будет иметь буквального смысла. Эта идея идет в русле стратегии различения категорий, которая была предложена в свое время Гилбертом Райлом: «Две составные части пропозиции (proposition-factors) относятся к разным категориям, или типам, если существуют такие схемы предложений (sentence-frames), что выражения, соответствующие этим частям пропозиции, будучи подставленными в один и тот же пробел (gap sign) одной и той же схемы, в одном случае дадут значимое (significant), а в другом – бессмысленное (absurd) предложение»²¹. Райл, понимая, что предложенный им тест зависит от трактовки понятия бессмысленности, закончил свою статью словами: «Но что является тестом на бессмысленность?»²².

Попытаемся применить этот подход для сопоставления предикатов и пяти терминов. Если они относятся к одной и той же логической категории, они должны пройти райловский тест. Для этого рассмотрим следующие предложения.

Человек – это вид.
Человек – это животное.

Кажется, что термины «вид» и «животное» взаимозаменяемы в данных контекстах: после перестановки в обоих случаях получаются истинные предложения. Теперь попробуем построить силлогизм с этими предложениями в качестве посылок:

Сократ – это человек.
Человек – это животное.
Следовательно, Сократ – это животное.

Перед нами, если поменять посылки местами и квантифицировать все предложения, силлогизм правильного модуса *Barbara*, позволяющий получать истинные заключения из истинных посылок. Теперь заменим посылку «Человек – это животное» посылкой «Человек – это вид»:

Сократ – это человек.
Человек – это вид.
Следовательно, Сократ – это вид.

Форма силлогизма осталась прежней²³, однако в этом случае истинные посылки дали ложное заключение. Означает ли это, что мы опровергли силлогистику и нашли такую интерпретацию терминов, при которой силлогизм

²¹ Ryle G. Collected Papers. Vol. II. N. Y., 1971. P. 181.

²² Ibid. P. 184.

²³ На это можно возразить, что посылка «Человек – это вид» не является общеутвердительной («Всякий человек – это вид»), поэтому указанный силлогизм не относится к модусу *Barbara*. Это верно, однако верно и то, что эта посылка не является частноутвердительной

Barbara при истинных посылках приводит к ложному заключению? В действительности, подобные «контрпримеры» были найдены еще в Античности (в частности, этот пример взят из комментария Порфирия на «Категории»²⁴), и тогда же был предложен способ их нейтрализовать. Для этого комментаторы²⁵ различали два способа предикции: сущностное и акцидентальное (которые восходят к аристотелевскому различию между сказыванием о подлежащем и нахождением в подлежащем). В первом силлогизме термин «животное» предикцируется термину «человек» в сущностном смысле (поскольку «быть животным» входит в определение «быть человеком»), во втором «вид» предикцируется «человеку» акцидентально. Правильные силлогизмы строятся на посылках, содержащих сущностную предикацию; второй силлогизм нарушает это правило, поэтому он не является контрпримером.

Различие между сущностным и акцидентальным предикцированием само по себе выглядит подозрительно²⁶, поскольку неясно основание, по которому одни свойства предмета классифицируются как сущностные, а другие – как акцидентальные. Но даже если допустить, что основание найдено, это не решит проблемы с указанным контрпримером, потому что силлогистика, как и любая дедуктивная система, абстрагируется от содержательных аспектов рассуждения (в данном случае – от характера предикцирования), принимая во внимание лишь логическую форму суждений. Так, совершенно корректен следующий силлогизм:

Сократ – афинянин.
Афиняне – греки.
Следовательно, Сократ – грек.

Никто не будет спорить, что быть афинянином – случайный факт в жизни Сократа. Если вдруг станет известно, что Сократ на самом деле был рожден не в Афинах, а, например, в Коринфе, а потом тайком был перевезен в Афины, он по-прежнему останется тем Сократом, о котором мы знаем из работ Платона и Ксенофонта. Тем не менее, пока посылка «Сократ – афинянин» является истинной, истинным будет и заключение силлогизма.

Значит, проблема второго силлогизма не в том, что «вид» предикцируется «человеку» не в сущностном смысле. На самом деле, его проблема заключается в том, что высказывания «Человек – это животное» и «Человек – это вид» имеют разную логическую форму, и это, хотя и в других терминах, отмечал Филопон в своем комментарии на «Первую аналитику»²⁷. Он пишет, что в суждении «Человек – это вид» термин «человек» означает τὸ ἐνοεῖδές

(«Некоторый человек – это вид»), что наводит на мысль о том, что термин «человек» употребляется здесь в каком-то ином смысле, нежели в суждении «Человек – это животное». Причина, по которой смысл термина меняется при переходе от одного суждения к другому, заключается в том, что термины «вид» и «животное» принадлежат к разным логическим категориям, что меняет структуру самих суждений, в которые они входят. Однако это именно тот тезис, который я хочу доказать; для этого я использую доказательство формы *reductio ad absurdum*: я исхожу из того, что эти суждения имеют одинаковую структуру, и указываю на неприятные последствия, которые влечет за собой это допущение.

²⁴ *Porphyry. On Aristotle Categories. P. 66.*

²⁵ *Ibid. P. 66.*

²⁶ Предложение свести это различие к различию между общеутвердительной и частноутвердительной предикацией, то есть обосновать его исключительно в экстенциональных терминах, как мне кажется, не работает, поскольку в этом случае свойство «уметь смеяться» окажется сущностным для человека (допустим, что суждение «Все люди есть существа, умеющие смеяться» верно); однако умение смеяться не входит в определение человека.

²⁷ *Barnes J. Truth, etc. P. 150.*

τοῦ ἀνθρώπου, единый вид человека, рассматриваемый в этом высказывании как единое целое. В греческом языке об этом сигнализирует употребление определенного артикля ὁ перед ἄνθρωπος (в этом отношении греческий определенный артикль выполняет ту же функцию, что и английский определенный артикль the в похожих контекстах). В свою очередь, в предложении «Человек – животное» термин «человек» употребляется, как бы мы сейчас сказали, дистрибутивно, то есть в отношении каждого отдельного объекта из множества людей (об этом сигнализирует квантор «всякий», πάν). Следовательно, записанные в правильной форме, эти предложения будут иметь следующий вид:

- (1) Всякий человек – это животное.
- (2) Человечность²⁸ – это вид.

Переписанное в таком виде, второе суждение не будет образовывать силлогизма с суждением «Сократ – это человек», и тем самым блокируется очевидно ложно заключение «Сократ – это вид».

Теперь применим райловский тест к суждениям (1) и (2). Получим следующие предложения.

- Человечность – это животное.
 Всякий человек – это вид.

В таком виде они больше похожи на бессмысленные, чем на ложные, высказывания, а это означает, что термины «животное» и «вид» принадлежат к разным логическим категориям.

Предикаты и предикабилии

Это совершенно отчетливо представляли себе средневековые философы, использовавшие для обозначения *quinque voces* Порфирия термин *praedicabilia*, предикабилии; категории, в свою очередь, обозначались термином *praedicamenta*. Буквальный перевод термина *praedicabilia* – «то, что можно предиктировать», и вне контекста не совсем понятно, чем предикабилии отличаются от предикаментов, то есть предикатов.

Греческий прототип термина *praedicabilia* – *κατηγορούμενα* – встречается в самом начале «Топики», и в данном контексте это скорее слово, чем технический термин. Аристотель пишет: «Действительно, необходимо, чтобы все сказываемое о чем-то было или взаимозаменяемо с вещью или нет»²⁹. В этом месте «Топики» Аристотеля интересуют отношения, в каких предикат произвольного высказывания может находиться к субъекту. «Все, сказываемое о чем-то» по-гречески звучит как πάν περὶ τίνος *κατηγορούμενον*; так появляется термин *κατηγορούμενον*.

Таким образом, *κατηγορούμενον* обозначает здесь множество предикатов, которые относятся или могут относиться к субъекту высказывания. Аристотель предлагает их классификацию на основе совпадения экстенционалов субъекта и предиката (он, естественно, говорит не об экстенционалах, а о возможности применить к субъекту и предикату операцию логического обращения). Если их объемы совпадают, субъект и предикат могут находиться

²⁸ За неимением определенного артикля в русском, приходится в качестве аналога *ho anthropos* писать «человечность».

²⁹ *Аристотель*. Соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 357.

между собой в двух следующих отношениях: предикат обозначает суть бытия субъекта, и тогда он называется определением (*ῥος*); или предикат не обозначает суть бытия, и тогда это собственное, *ἴδιον* (как свойство «уметь смеяться» в отношении человека). В случае, если их объемы не совпадают, также возможны два варианта: предикат обозначает привходящее свойство, то есть такое свойство, которое не входит в определение субъекта; предикат обозначает часть определения, то есть является родом или видовым отличием³⁰. В итоге получаем пять отношений, в которых предикат может находиться к субъекту: быть определением, быть собственным, быть родом, быть видовым отличием и быть привходящим. Сходство с пятью терминами Порфирия очевидно; можно спорить о том, насколько именно эта классификация повлияла на Порфирия (что установить не так просто, поскольку философы перипатетической школы, начиная уже с Теофраста, предлагали свои варианты, несколько отличающиеся от аристотелевского³¹), а также о том, чья классификация более удачна (скорее всего, порфириевская, потому что классическое определение имеет структуру *per genus et differentiam*, что позволяет свести его к последним двум), но представляется очевидным, что логический статус аристотелевских *κατηγοροῦμενα* такой же, что и у порфириевских *quinque voces*: это виды отношений субъекта к предикату.

Итак, ни Аристотель, ни Порфирий почти ничего не говорят нам о статусе предикабилей. Аристотель, правда, использует термин *κατηγοροῦμενον*, но он далек от того, чтобы придавать ему строгое значение, а также видеть в своей классификации нечто большее, чем просто деление *ad hoc*. Порфирий не употребляет этого термина и не распространяется о месте и роли пяти терминов ни в логике в вообще, ни в учении о категориях в частности.

Уже было продемонстрировано, что предикаты и предикабилей относятся к разным логическим категориям. Но в чем конкретно заключается различие между ними? Суждение «А есть В», где В – это предикат, означает не что иное, как приписывание субъекту некоторого свойства; неважно, о каком свойстве – качестве, сущности или отношении – идет речь, поскольку во всех этих случаях мы имеем дело с приписыванием субъекту некоторой содержательной характеристики. То, что А обладает свойством В, – исключительно содержательная констатация, и из формы данного суждения нельзя сделать вывод о тех логических отношениях, в которых находятся его субъект и предикат.

Теперь обратимся к рассмотрению предикабилей. Суждения, содержащие предикабилей, имеют логическую форму, отличную от суждений о предикатах. Сравним два суждения:

- (3) Цвет – это качество.
- (4) Цвет – это акциденция.

Истинность первого суждения может быть установлена без обращения к контексту, в котором оно было употреблено, достаточно знать, что термины «цвет» и «качество» использованы в их буквальном значении. Со вторым суждением дело обстоит не так просто. С точки зрения Аристотеля, цвет, как и все прочие качества, не является сущностной характеристикой первых

³⁰ Чуть ранее, в «Топике» 101b 15-30, Аристотель предпочитает не выделять видовое отличие в отдельную категорию, считая его чем-то производным от рода. Таким образом, первая классификация насчитывает четыре термина, а не пять. И буквально через несколько страниц, «Топика» 103b10-30, он выделяет вид в отдельную категорию. Все это свидетельствует о предварительном характере классификации, а также о том, что Аристотель не придавал особого значения, кроме технического, способам, которыми можно классифицировать отношения предикатов к субъекту.

³¹ *Porphyry*. Introduction. P. 56.

сущностей, поскольку он не входит в их определение. Поэтому правильным будет сказать, что суждение «Человек обладает свойством быть цветным» содержит в себе акцидентальную предикацию. Хотя нам и трудно представить себе человека, который был бы лишен какого бы то ни было цвета, «быть цветным» остается его акцидентальной характеристикой, не входящей в определение термина «человек». С другой стороны, в суждении «Белое – это цвет» речь идет о приписывании белому некоторой сущностной характеристики, значит, перед нами не акцидентальная предикация.

Вывод, который нужно сделать из этого рассуждения, состоит в том, что для установления истинности суждения, содержащего предикабилию, требуется уточнить, к какой паре субъекта и предиката прикладывается данная предикабилия. Так, суждение (4) будет истинно, если оно относится к паре «человек-цвет», и будет ложно, если оно относится к паре «белое-цвет». Иными словами, правильной формой для суждения с предикабилией будет не «А есть В», где В – это предикабилия, а «В суждении “А есть В” В есть С», где А – произвольный субъект, В – предикат, а С – предикабилия. Таким образом, предикабилия всегда относится к некоторому предикату, однако в данном случае речь идет не о приписывании ему некоторого содержательного свойства; скорее, мы имеем дело с указанием на формальное отношение³², в котором находится данный предикат к субъекту.

В настоящей статье было показано, что *Isagoge* посвящено предикабилиям, объектам иного, нежели категории, логического статуса. Категории – десять наиболее общих родов сущего; предикабилии – формальные отношения, в которых находятся субъект и предикат некоторого высказывания. Разный статус категорий и предикабилий препятствует составлению классификации, включающей в себя одновременно и категории, и предикабилии.

Средневековые авторы, давшие порфириевскому трактату заглавие *Quinque voces* и назвавшие понятия, которым он посвящен *praedicabilia*, были куда ближе к истине, чем те, кто настаивал на его тесной связи с «Категориями». Тем не менее исторически правильным является именно заглавие Порфирия – «Введение», поэтому стоит задать резонный вопрос: если *Isagoge* нельзя считать введением в «Категории»³³, тогда введением во что является этот трактат?

³² Под «формальным отношением» я понимаю отношение, противоположное материальному, или содержательному. Содержательная предикация означает простое приписывание субъекту некоторого свойства. Формальное отношение означает, что субъект и предикат суждения находятся в определенных логических отношениях, например их объемы совпадают, пересекаются и т. д. Так, утверждая, что «разумное» в суждении «Человек – разумное существо» означает видовое отличие, мы хотим сказать нечто большее, чем тот простой факт, что все люди разумны. Мы утверждаем, что «быть разумным» – необходимое свойство человеческой природы, что объемы терминов «человек» и «разумное существо» не просто совпадают, но находятся в особенно тесном отношении и т. д.

³³ Строго говоря, из основного аргумента статьи – разный логический статус предикатов и предикабилий – не следует, что *Isagoge* не может быть введением в «Категории»; трактат А и трактат Б могут тематически различаться, и тем не менее А может быть введением в Б, если А содержит некоторую информацию, полезную для понимания Б. Однако из аргументации статьи следует, что в содержании *Isagoge* нет ничего, что бы указывало на его связь с «Категориями». Аргумент о наличии такой связи, исходящий из пользы *Isagoge* для «Категорий», является довольно слабым, потому что *Isagoge* не содержит специфических сведений, которые были бы полезны именно для «Категорий» (ведь польза от прояснения этих пяти терминов очевидна и для аристотелевской силлогистики, и даже для метафизики). Поэтому чуть ли не единственным основанием, по которому *Isagoge* может считаться введением к «Категориям», являются свидетельства Аммония и Боэция. Насколько решающим является такой аргумент? Я думаю, что его недостаточно: если бы Порфирий считал связь между «Категориями» и *Isagoge* действительно важной для замысла своего

Ответ на него можно найти уже в первом предложении, в том самом, где Порфирий пишет о необходимости его работы «для изучения аристотелевских категорий»; у него есть продолжение: знать о том, что такое род, видовое отличие, вид, собственное и приводящее необходимо не только для изучения категорий, но и для «установления определений (εἰς τε τῶν ὀρισμῶν ἀπόδοσιν) и в целом для всего того, что связано с разделением и доказательством (τὰ περὶ διαίρεσεως καὶ ἀποδείξεως)». **Определение, разделение и доказательство** – это основные темы античной логики, поэтому *Isagoge* – это введение в логику в целом, что объясняет отсутствие уточняющего термина в названии. Кроме того, в той степени, в какой изучение логики считается первым шагом на пути в изучение философии, его можно считать введением в философию как таковую, а это именно та роль, которая отводилась ему на протяжении более чем тысячи лет.

Список литературы

- Аристотель*. Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 687 с.
- Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. с греч. М.Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1979. 620 с.
- Порфирий*. Введение к «Категориям» / Пер. с греч. А.В. Кубицкого // *Аристотель*. Категории. М., 1939. С. 53–83.
- Порфирий*. Жизнь Плотина / Пер. с греч. М.Л. Гаспарова // *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 462–476.
- Ammonius*. In Porphyrii Isagogen sive V Voces / Ed. A. Busse. B.: Georg Reimer, 1891. xlvi, 132 p. (Commentaria in Aristotelem Graeca IV, 3).
- Barnes J.* Truth, etc.: Six Lectures on Ancient Logic. Oxf.: Clarendon Press, 2007. 562 p.
- Anicii Manlii Severini Boethii in Isagogen Porphyrii commenta / Ed. S. Brandt. Viena: F. Tempsky, 1906. lxxxvi, 423 p. (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum XXXXVIII).
- Porphyre*. Isagoge / Éd. par A. de Libera, A.-P. Segonds. P.: J. Vrin, 1998. 100 p.
- Porphyrii Isagoge et in Aristotelis categorias commentarium / Ed. A. Busse. B.: Georg Reimer, 1887. lvi, 181 p. (Commentaria in Aristotelem Graeca IV, 1).
- Porphyry*. On Aristotle Categories / Trans. by S.K. Strange. L.: Duckworth, 1992. 185 p.
- Porphyry*. Introduction / Trans., with a Comment., by J. Barnes. Oxf.: Clarendon Press, 2003. 415 p.
- Ryle G.* Collected Papers. Vol. II. N. Y.: Barnes and Noble, 1971. 496 p.
- Saffrey H.D.* Pourquoi Porphyre a-t-il édité Plotin? // *Porphyre*. La vie de Plotin. Vol. II / Éd. par L. Brisson et al. Paris: J. Vrin, 1992. P. 31–64.
- Spade P.V.* Five Texts on the Mediaeval Problem of Universals: Porphyry, Boethius, Abelard, Duns Scotus, Ockham. Indianapolis (IN): Hackett, 1994. 320 p.

Is Porphyry's *Isagoge* an introduction to Aristotle's *Categories*?

Ilya Patronnikov

Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: patrilya@gmail.com

трактата, он бы не преминул прямо об этом написать; имеющиеся же формулировки слишком расплывчаты, и из них скорее следует, что Порфирий видел в нем введение к самым разным разделам логики, а не только к учению о категориях.

The present paper is concerned with the famous work of Porphyry, his “Introduction” (*Isagoge*). During the Middle Ages it was used as a work to start studying philosophy, which partly accounts for its fame. Its subject is quite elementary: it deals with the five basic terms of Aristotelian logic: *genus*, *differentia*, *species*, *proprium*, *accidens*; owing to this, it was also known under the title *Quinque voces*, viz. the five terms. This study concentrates on the problem of *Isagoge*'s purpose. As it is evident from the title, the treatise was intended to serve as an introduction; nevertheless, the subject to which the introduction was made remains unclear. Some ancient scholars (Boethius among them) made the conjecture that the treatise should be considered an introduction to Aristotle's *Categories*. This became widely accepted among the scholars and translators of the text (the Russian edition of it, for instance, bears the title “Introduction to Aristotle's *Categories*”), which, however, in itself is no proof that such attribution is correct. Moreover, a closer examination of the text reveals that the assumption about a special affinity between the two works is at least disputable. The author argues that both writings have indeed very little in common in terms of their content: while Aristotelian categories can be described by the medieval term *praedicamenta*, i.e. the predicates, Porphyry's five terms under the same system will be called *praedicabilia*, viz. predicables. In other words, the two books deal with the objects of different logical types, and therefore one of them cannot be considered an introduction to the other. This being the case, it is reasonable to agree with another explanation of *Isagoge*'s purpose: instead of being an introduction to a specific work, it should be regarded as an introduction to the whole subject of logic.

Keywords: Porphyry, Aristotle, *Isagoge*, *Topics*, category, predicate, predicable, ancient logic

References

- Aristotle. *Sochineniya* [Works], Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1978. 687 pp. (In Russian)
- Barnes, J. (trans.) Porphyry, *Introduction*. Oxford: Clarendon Press, 2003. 415 pp.
- Barnes, J. *Truth, etc.: Six Lectures on Ancient Logic*. Oxford: Clarendon Press, 2007. 562 pp.
- Brandt, S. (ed.) Anicii Manlii Severini Boethii in Isagogen Porphyrii commenta. Vienna: F. Tempisky, 1906. lxxxvi, 423 pp. (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum XXXXVIII)
- Busse, A. (ed.) Ammonius, *In Porphyrii Isagogen sive V Voces*. Berlin: Georg Reimer, 1891. xlvi, 132 pp. (Commentaria in Aristotelem Graeca IV, 3)
- Busse, A. (ed.) Porphyrii Isagoge et in Aristotelis categorias commentarium. Berlin: Georg Reimer, 1887. lvi, 181 pp. (Commentaria in Aristotelem Graeca IV, 1)
- Gasparov, M. (trans.) Diogenes Laertius, *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitnykh filosofov* [Lives and Opinions of Eminent Philosophers]. Moscow: Mysl' Publ., 1979. 620 pp. (In Russian)
- Gasparov, M. (trans.) Porphyry, *Zhizn' Plotina* [Life of Plotinus], in: Diogenes Laertius, *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitnykh filosofov* [Lives and Opinions of Eminent Philosophers]. Moscow: Mysl' Publ., 1979, pp. 462–476. (In Russian)
- Kubitskii, A. (trans.) Porphyry, *Vvedenie k 'Kategoriyam'* [Introduction to 'Categories'], in: Aristotle, *Kategorii* [Categories]. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1939, pp. 53–83. (In Russian)
- Libera, A. de & Segonds, A.-P. (éd.) Porphyre, *Isagoge*. Paris: J. Vrin, 1998. 100 pp.
- Ryle, G. *Collected Papers*, Vol. II. New York: Barnes and Noble, 1971. 496 pp.
- Saffrey, H.D. “Pourquoi Porphyre a-t-il édité Plotin?”, in: Porphyre, *La vie de Plotin*, Vol. II, éd. par L. Brisson et al. Paris: J. Vrin, 1992, pp. 31–64.
- Spade, P.V. *Five Texts on the Mediaeval Problem of Universals: Porphyry, Boethius, Abelard, Duns Scotus, Ockham*. Indianapolis, IN: Hackett, 1994. 320 pp.
- Strange, S.K. (trans.) Porphyry, *On Aristotle Categories*. London: Duckworth, 1992. 185 pp.